

О. Н. Кушнир

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ, ВЕРБАЛИЗОВАННЫХ ЗАИМСТВОВАННЫМИ ПРЕФИКСАМИ И ПРЕФИКСОИДАМИ

Предложена лингвокогнитивная типология префиксов и префиксоидов, вербализующих лингвокультурные концепты. Внимание сосредоточено на концептах, вербализованных заимствованными морфемами. Анализ динамики таких концептов проводится на примере условно выделяемых «временных» концептов.

The article suggests a linguo-cognitive typology of prefixes and prefixoids, verbalizing linguo-cultural concepts. Special attention is focused on the concepts verbalized by imported morphemes. A dynamic analysis of these concepts is carried out using the example of conditionally identified "time-related" concepts.

Ключевые слова: концепт, динамическая лингвоконцептология, лингвокогнитивная типология, префикс, префиксоид.

Key words: concept, dynamical linguoconceptology, linguocognitive typology, prefix, prefixoid.

Проведение лингвокультурологического анализа языковых изменений предполагает факт существования некоторой типологии концептов. Применительно к анализу заимствованных лексем это, как правило, номинативная или лингвистическая типология, поскольку появление и/или активизацию в современном русском языке многочисленных заимствований связывают по преимуществу с такими причинами, как потребность в именовании новых реалий, необходимость в специализации понятий, тенденция к экономии языковых средств и т.п. (ср., например: [8]). Однако развитие русской концептосферы связано не только с достаточно очевидными номинативными потребностями или лингвистическими закономерностями, но и с глубинными изменениями в сфере языкового сознания, которые и составляют основной предмет динамической лингвоконцептологии.

Трудности исследования этих глубинных изменений обусловлены самой природой концепта: он находит опору во внутренней форме вербализующих его ключевых слов, выступающей как «явленность этимона», — «всегда *смысл*, который направляет движение содержательных форм концепта», «инвариант, который приближается к концепту, но... еще не есть концепт» [5, с. 52]. Не только русское, но и заимствованное слово как средство вербализации концепта — это «свидетельство русской интуиции» [6, с. 4], которая, как всякий объект научного исследования, исчерпывающим образом вскрыта быть не может, а сколько-нибудь ощутимые научные подвижки не могут быть достигнуты вне обращения лингвистики к смежным областям знаний о человеке и обществе, особенно в лингвокультурологии.

Своеобразным «классификационным ключом» ко входу в те аспекты русской лингвоконцептуальной интуиции, которые связаны с динамической синхронией префиксальных и префиксоидальных морфем, может служить их простейшая дихотомическая лингвокогнитивная типология, основывающаяся на следующем (конечно, во многом условном) разграничении.

Префиксы — это аффиксальные словообразовательные морфемы, префиксоиды — корневые морфемы в функции префиксов, отличающиеся от «обычных» корневых морфем семантической элементарностью и регулярностью употребления в одной и той же относительно простой семантической функции в составе производных слов.

Префиксы как аффиксальные словообразовательные морфемы реализуют по преимуществу понятийную функцию, выступая в семантическом отношении как сигнификативы, как средство языкового опредмечивания отношений между денотативными составляющими концепта (макроконцепта), например: *война* — и *антивоенный* (*антивоенное движение / выступления / митинг*), где префикс *анти-* однозначно отсылает к представлению о противоборстве некоторых сил; *диакон* — *архидиакон*, *иерей* — *архиерей*, где префикс *архи-* так же однозначно отсылает к понятийному представлению о церковной иерархии. Соотносительные с этими префиксами сигнификативные концепты — соответственно «противоборство» и «иерархия».

Префиксоиды, как в формальном отношении корневые морфемы (см. например: [12, с. 187]), реализуют по преимуществу предметную функцию, выступая как денотативы, как средство обобщенного именованя тех предметных областей, с которыми связаны образуемые при их посредстве производные слова, например: *био-* отсылает к сфере живого, *физио-* — к физиологии живых организмов, *фито-* — к растениям и т.д. Строго говоря, в этом случае мы имеем дело в

общем случае не с концептами, а с предметными областями, хотя в отдельных случаях префиксоиды выступают и как маркеры концептов (один из наиболее очевидных примеров – усеченная основа *парт-* в функции префиксоида в общем значении «партия», восприятие семантики которой в советское время и сейчас совершенно разное).

Как и «обычные» префиксы или суффиксы, аффиксоиды (префиксоиды и суффиксоиды) являются регулярно воспроизводимыми минимальными значимыми частями слова, характеризуются достаточно высокой продуктивностью и регулярностью употребления корневого морфа в функции словообразовательной морфемы, легко узнаваемым и сравнительно несложным лексическим значением, которое синонимично словообразовательным значениям «обычных» суффиксов или префиксов. В практике лингвистического анализа, как правило, аффиксоидами считаются заимствованные элементы типа *ихтио-* или *антропо-*, *-лог* или *-фил*, а синонимичные им собственно русские корневые элементы, например *рыбо-* или *человеко-*, *-вод* или *-вед*, выступают основами сложного слова с соответствующим морфемным членением (*рыб-о-*, *человек-о*). Причина различия трактовок заключается в том, что русские словообразовательные элементы аффиксоидального типа неизбежно сохраняют ореол многозначности (от исходной лексемы), тогда как заимствованные воспринимаются как моносемантические, в практике лингвоконцептуального анализа – как недвусмысленно отсылающие к некоторой предметной области.

Следовательно, обращение к префиксам как средствам вербализации лингвокультурных концептов, рассматриваемых в динамике, позволяет усмотреть некоторые сдвиги в сигнификативном пространстве русской лингвокультуры, а обращение к префиксоидам – сдвиги в номинативном пространстве (в содержании и структуре предметных областей). Предложенное лингвокогнитивное разграничение позволяет избежать избыточной для лингвоконцептологии теоретико-лингвистической дискуссии о морфемном статусе заимствованных элементов (см. например: [17]) и полагаться на практически общепринятое различие префиксальных морфов, к которым относятся, в частности, *де-*, *дез-*, *дис-*, *им-*, *интер-*, *ир-* и другие, и «связанных компонентов интернационального характера» (вариант именования: «повторяющиеся компоненты сложных, сращений, аббревиатур, предшествующих опорному»), например *авиа-*, *авто-*, *агро-* и т. п. [16, с. 754, 244, 761 и др.].

Последующее изложение мы основываем преимущественно на материалах «Толкового словаря русского языка конца XX в.: Языковые изменения» [21], который, наряду с другими неограниченными, толковыми и иными филологическими словарями разных лет, является одним из основных источников динамической лингвоконцептологии.

Весь лексикографический материал авторы указанного словаря делят на пять групп, каждой из которых соответствует специфический аспект синхронной динамики, а именно: 1) новое слово (значение); 2) относительно новое слово (значение); 3) актуализация слова (значения); 4) возвращение слова в актив из пассивного запаса; 5) уход слова в пассивный запас [21, с. 32].

Лингвоконцептологическое осмысление этой лексикографической систематизации связано с точки зрения лингвистики с представлением о том, что процессы развития концептосферы неотделимы от динамических сдвигов в способах вербализации ее составляющих, а с позиций культурологии – с тем, что в России «на исторических гранях... действуют хаотические процессы, объединяемые общим для них релятивным механизмом культуры – “смуты”» [7, с. 585]. Языковые приметы «смуты» наиболее очевидны на лексическом уровне; соответствующие лексемы сравнительно быстро либо уходят из оборота, либо входят в употребление. Морфематические приметы «смуты» менее очевидны и обладают «продолжительным» действием.

Обратимся в качестве примера к анализу концептов, условно относимых нами к «временным» (кавычки в данном случае использованы с целью акцентировки того, что представления о «собственно времени» составляют лишь лингвокогнитивную основу рассматриваемого материала, который в семантическом отношении, разумеется, шире собственно темпоральных представлений).

Восприятие времени в русском языковом сознании (как и в языковом сознании всей христианской части индоевропейского мира), а следовательно, специфика макроконцепта «время» и в целом, и в составляющих его частных концептах основываются на линейных, «горизонтальных» представлениях типа «позади – впереди», «раньше – позже». Однако это восприятие, будучи основным, не исключает и «вертикальных» представлений, причиной чего выступает «антропоцентрическая модель вертикального времени» [23, с. 156 и след.].

Эвристическая значимость данного факта для анализа динамики временных концептов состоит в том, что «горизонтальные» и «вертикальные» представления оказываются совмещенными. Временное «позже» ассоциируется не только с пространственным «дальше», но и с представлением «выше», в коннотативном прочтении – «совершеннее, лучше».

Динамика лингвоконцептуальных изменений, акцентирующих совмещение «горизонтального» и «вертикального», отчетливо просматривается в рамках сигнификативно-коннотативного морфосемантического поля, отражающего движение исторического времени, которое хорошо проявляется в дериватах с префиксом *post-* на фоне принадлежащих тому же полю дериватов на *neo-*, собственно русском *после-* и квазиантонимичном *proto-*.

Префикс *post-* помимо значения «происходящий / имеющий место после того, что названо мотивирующим словом», основывающегося на латинском этимоне *post* 'сзади, позади > затем, потом, после, позже, впоследствии'¹, которое представлено в многочисленных дериватах советского времени и синонимичных им по морфосемантике производных с префиксом *после-* (ср., например: *постинфекционный, постоперационный, пострадиационный, постэмбриональный* и *послебанный, послегриппозный, послеоперационный, послеполетный*), развил еще в советские годы дополнительный сигнификативный смысл, связанный с движением исторического времени (ср., например: *постимпрессионизм, постромантический* и *послеромантический, послесъездовский*). В конце XX — начале XXI века доминантными в новообразованиях становятся сигнификативный смысл «современный / характерный для настоящего времени» и связанный с ним коннотативный смысл «более совершенный по отношению к тому / лишенный недостатков того, с чем связано то, что названо мотивирующим словом». Этот пучок смыслов устойчиво реализуется только в дериватах с *post-*, ср.: *посткоммунистический, постперестройка* (и *постперестроечный, постперестройщик*), *постсоветский, постсоциалистический, постсталинский*.

Дериваты с префиксоидом *neo-* реализуют иной пучок смыслов: по сигнификату это базовое, прямолинейно опирающееся на этимон значение «после того, что названо мотивирующим», коннотативная составляющая может быть прочитана как в мелиоративном, так и в пейоративном ключе, ср.: *необольшевизм, неокommунизм* (и *неокommунист, неокommунистический*), *неоконсервативный, неосталинизм* (и *неосталинистский, неосталинист*), *неототалитарный*.

Безусловная актуальность того пучка смыслов, который реализуется новыми дериватами с *post-*, проявляется также в появлении окказионализмов (ср. примеры, родственные языковой игре: [18, с. 37]), в регулярном использовании префиксальной редупликации. Так, наряду с бытовавшими ранее в эстетике именованиями типа *постимпрессионизм*, а затем и *постпостимпрессионизм, постэкспрессионизм* и *постпостэкспрессионизм* теперь возникло и более общее именование *постпостмодернизм*, которое даже вошло в словари (ср.: [10, с. 354; 15]). Специфика соответствующего явления активно рассматривается специалистами по литературоведению и эстетике; наличествуют как бездефисное написание *постпостмодернизм* [9], так и дефисное *пост-постмодернизм* [11, с. 318; 19, с. 531]. Сами понятия и соответствующие термины приобретают общенаучное значение (например, в психологии [25]; в политологии [13]). Морфемная редупликация *post-post-* встречается и в составе других современных терминов (например, в работе К. Уилбера [22] регулярно используется термин *пост-пост-конвенциональный*).

Proto- и *post-* — по этимонам квазисимметричные (поскольку различаются не только семантическими компонентами типа «раньше» — «позже»; префикс *proto-* также включает компоненты типа «относящийся к истокам», «древнейший») антонимичные префиксы; их квазиантонимическая оппозитивность активно развивается.

Префикс *proto-* помимо значения «предшествующий» как «существовавший в прошлом по отношению к настоящему», основывающегося на греческом этимоне «первый» (как в *протограф, протоистория, протонеолит, проторенессанс*), развивает и значение «предшествующий» как «существующий в настоящем по отношению к будущему». К примеру, *прототип*, совсем недавно в лексикографической практике трактовавшийся только в рамках оппозиции «прошлое — настоящее» как «первоначальный образец; прообраз» [20, с. 537], ныне толкуется уже и в рамках оппозиции «прошлое, и/или настоящее, и/или будущее, ср.: «...первоначальный образец, прообраз кого-, чего-л. в будущем» [14, с. 1034]. Таким образом, в триадической временной оппозиции «прошлое — настоящее — будущее» оказываются актуализованными все компоненты одновременно.

Эффектную герменевтическую интерпретацию соотношения *post-* и *proto-* в современной культуре предложила А. Бандальер [1]; аналогичная интерпретация заложена уже в показательном фрагменте заголовка статьи М. Эпштейна «...От *post-* к *proto-*» [24].

Префиксоидальные морфосемантические поля в начале статьи мы охарактеризовали, в отличие от префиксальных, не как сигнификативные, но как номинативные. Данное лингвокогнитивное различие соотносится с хорошо известным в дериватологии, восходящим к одному из классиков славистики М. Докулилу разграничением модификационных и мутационных словообразовательных значений [26].

¹ Здесь и далее латинские этимоны реконструируются по изданию [4].

Семантическое пространство языка, в том числе пространство деривационное, как минимум четырехмерно и включает помимо номинативного и сигнификативного коннотативное и «формальное» измерения; модификационные значения соотносятся преимущественно с сигнификативным, а мутационные — с номинативным аспектами (подробнее об этом см., например, [3]).

Следовательно, изучение заимствованных префиксоидов и образованных при их посредстве дериватов неотделимо от рассмотрения как минимум лингвокогнитивных, а как максимум всех изменений в языковом сознании, связанных с той или иной предметной областью. Однако предметная область, как правило, не фундируется отдельно взятыми морфемами, пусть даже префиксоидальными, их лингвокогнитивный фундамент — лексемы и/или их совокупности с условным общим названием, который принято в идеографии именовать дескриптором. Нельзя сказать, к примеру, что «общество» — это предметная область, фундирующаяся элементом *социо-*, или «живое» — элементом *био-*, поскольку эти предметные области очень разветвлены, и содержание базового префиксоида не может отражать эту разветвленность. Соответственно и «общество», и «живое» едва ли могут быть квалифицированы как концепты — во всяком случае, в рамках нашей культуры.

Вместе с тем префиксоидальные элементы — это, как правило, «точки роста», «зародыши» сложной лингвоконцептуальной системы, анализировать которую вне выхода в более широкие пространства, чем морфосемантические группировки (прежде всего в лексико-семантические и лексико-синтаксические поля), едва ли возможно.

Приведем один характерный пример. Рассмотрим, во-первых, элемент *кибер-*, который в качестве префиксоида (или регулярно повторяющегося составного элемента сложного слова) в современных словарях не представлен; во-вторых, наличествующие в словарях лексемы *кибернетика*, *кибернетизировать*, *кибернетизация*, *кибернетик*, *киборг*. Обратим особое внимание на последнее слово в этом ряду — *киборг*, то есть «кибернетический организм», по словарному толкованию — «робот» [21, с. 293]. Вопрос: какие смыслы ассоциируются в сознании носителей языка с элементом *кибер-* и какие смыслы действительно с ним связаны — по логике этимологической внутренней формы?

По нашим наблюдениям, в сознании современных носителей русского языка это смыслы, основанные на представлениях о чем-то машинном (как в лексеме *киборг*). Внутренняя этимологическая форма существительного *кибернетика*, таким образом, остается, на первый взгляд, неактуализованной. Между тем существо этой внутренней формы вполне прозрачно (из греч. *kybernetike (techne)* '(искусство) управления кораблем (или управления вообще)' — от *kybernetes* 'кормчий > правитель' < *kybernao* 'управлять кораблем > вообще управлять' < *naus* 'корабль' (родственные слова: *губернатор*, *навигация* и образования на *-навт*).

С морфом *кибер-* тесно ассоциируется концепт «управление», который применительно к руководству социальными процессами сейчас выражается другим основным средством — существительным *менеджмент* 'теория и практика управления социальными процессами, прежде всего в экономике — управление производством и сбытом, ориентированное на повышение их эффективности и увеличение прибыли' (от англ. *management* 'управление, заведование; умение владеть (инструментом); осторожное, бережное, чуткое отношение (к людям)' — от глагола *manage* 'руководить, управлять, заведовать; стоять во главе; уметь обращаться (с чем-л.); усмирять, укрощать, выезжать (лошадь); править (лошадьми); справляться, ухитряться, суметь', восходящего к лат. *manus* 'рука' (этимологически однокоренные: *команда*, *коммандос*, *мандат*, *манера*, *мануальный*, *манускрипт*, *эмансипация*)). Как видим, семантическая ниша «управление обществом», связанная с лексемой *кибернетика* с момента ее возрождения в новом качестве, начиная с общеизвестного труда Н. Винера с характерным названием (первая публикация — в 1948 году) [2], ныне терминологически занята иным словом — *менеджмент*.

Изучение лингвоконцептуального содержания концептов, связанных с семантикой префиксальных и префиксоидальных морфем, в том числе заимствованных, представляется нам особенно значимым в контексте динамической лингвоконцептологии, основывающейся на материале новейшего времени (рубеж XX—XXI веков), которое ознаменовано появлением множества новых лексем, включающих заимствованные префиксы и префиксоиды (и соотносительных с ними новых концептов), актуализацией, деактуализацией или переосмыслением «старых» концептов.

Список литературы

1. Бандальер А. На литературоведческом перепутье. URL:<http://artpages.org.ua/bukvi/na-literaturoved4eskom-pereputie.tml>.
2. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М., 1983.
3. Волков В. В. Деадъективное словообразование в русском языке. Ужгород, 1993.
4. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1976.
5. Колесов В. В. Философия русского слова. СПб., 2002.
6. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2007.
7. Кондаков И. В. Культурология: История культуры России. М., 2003.
8. Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996. С. 146–155.
9. Курицын В. Русский литературный постмодернизм. М., 2000.
10. Лексикон неонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / под ред. В. В. Бычкова. М., 2003.
11. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. СПб., 2000.
12. Немченко В. Н. Современный русский язык: Словообразование. М., 1984.
13. Неретина С. С., Огурцов А. П. Концепты политического сознания // Политическая концептология: Журнал междисциплинарных исследований. 2009. №1–2. URL: <http://politconcept.sfedu.ru/2009.1/contents.html>
14. Новейший большой толковый словарь русского языка. СПб.; М., 2008.
15. Постмодернизм: энциклопедия. Минск., 2001.
16. Русская грамматика. М., 1980. Т. 1.
17. Рыженкова Г. О морфемном статусе некоторых элементов греческого происхождения. URL:[www.proza.ru/2002/10/05–10.6](http://www.proza.ru/2002/10/05-10.6)
18. Сивова А. А. Переходные способы деривации в публицистике конца XX – начала XXI в. // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы. Казань, 2004. С. 36–37.
19. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература. М., 2001.
20. Словарь русского языка / гл. ред. А. П. Евгеньева. М., 1984. Т. 3.
21. Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые сдвиги. СПб., 1998.
22. Уилбер К. Интегральная психология: Сознание. Дух. Психология. Терапия. М., 2004.
23. Чугунова С. А. «Движение времени» у представителей разных культур. Брянск, 2009.
24. Эпштейн М. De'but de siecle, или От пост- к прото-. Манифест нового века // Знамя. 2001. №5. С. 180–198.
25. Янчук В. А. Психология на рубеже третьего тысячелетия: Поиски парадигмальных координат, способа теоретизирования и метода исследования // Адукацыя і выхаванне. 1999. №8. С. 30–49.
26. Dokulil M. Tvořeni slov v češtině: Teorie odvozovani slov. Praha, 1962.

Об авторе

Ольга Николаевна Кушнир – канд. филол. наук, проф., Коми республиканская академия государственной службы и управления, e-mail: info17275@mail.ru

Author

Olga Kushnir – PhD, professor, Komi republican academy of state service and administration, e-mail: info17275@mail.ru